

## Способы словарной фиксации системных отношений лексических единиц

Сильвий Г. Бережан

Адекватное отражение онтической (по терминологии Эудженио Косериу) содержательной стороны словарных единиц возможно только с учетом объективно существующих системных отношений между ними. Поэтому, раскрывая значение слов, толковый словарь должен представлять одновременно и различные лингвистически значимые связи между лексическими единицами, детерминирующие место каждого отдельного слова в системе лексики. В нем должно даваться, по словам болгарского языковеда В. Радевой, описание лексики языка в ее системности (1), то есть слова должны определяться так, чтобы, как утверждает немецкий лексикограф Г. Кемпке, их можно было правильно употреблять на этом основании в любом узуальном контексте (2).

Необходимость отражения в одноязычных словарях системных взаимосвязей между словарными единицами в принципе уже признана (3). Нужно, однако, охарактеризовать и способы их словарной фиксации, способы отражения сети этих взаимоотношений или того, что принято называть внутренней структурой лексической системы.

Известные логические отношения, в которых всегда находятся лексические единицы (полное несовпадение, включение, пересечение и полное совпадение), сводятся в парадигматике к трем видам семантических отношений (для толкового словаря основной интерес представляют, именно содержательные отношения): гетеросемическим (напр., между такими лексемами как посуда и правда), парасемическим, которые охватывают логические отношения включения (напр. посуда: чашка) и пересечения (напр. посуда: мебель) и омосемическим (напр. правда: истина). К парасемическим отношениям примыкают и отношения мотивационные, поскольку они выражают, помимо чисто формальных связей (основанных на словообразовательной зависимости: правда, полуправда, правдолюбец, правдивый, правдиво), семантические связи, основанные тоже на пересечении смыслов в логическом плане (чашка: чашечка; правдивый: правдоподобный), но не охватываемые гипонимическими отношениями (чашка: стакан; тарелка; правдолюбец: правдоискатель; правдодушитель). Все названные виды отношений (кроме гетеросемических) требуют четких принципов словарного отражения.

Опыт работы над толковым словарем молдавского языка показал, какие принципы лексикографирования являются наиболее целесообразными и приемлемыми для представления указанных видов семантических отношений (хотя не все эти принципы удалось осуществить на практике). Остановимся на изложении данных принципов, начиная с последнего вида указанных выше возможных между лексическими единицами семантических отношений.

Омосемические отношения передаются, как правило, путем присокупления к толкованию значения так называемых «синонимичных» единиц (то есть по сути семантически эквивалентных элементов) и особенно путем

так называемого «синонимического толкования». Нет только достаточной строгости подхода, которая должна заключаться в следующем: во-первых, чтобы приводимые «синонимы» были действительно семантическими эквивалентами реестровых единиц (то есть омосемантами), а не только «близкими по смыслу» (с весьма вольно понимаемой степенью близости); и, во-вторых, чтобы омосемичные единицы следовали лишь после текстового толкования (тождественного у каждой из них), которое собственно и раскрывает значение как реестрового слова, так и последующих «синонимов»:

**граница** «линия, разделяющая смежные государства; рубеж; кордон»  
**рубеж** «линия, разделяющая смежные государства; граница; кордон»  
**кордон** *устар. разг.* «линия, разделяющая смежные государства; граница; рубеж».

Никоим образом нельзя допускать так называемые «синонимические круги» без единого толкования (а значит фактически без определения значения ни одного слова данного круга). Иными словами не должно быть толкований типа:

**граница** «рубеж; кордон»  
**рубеж** «граница; кордон»  
**кордон** «граница; рубеж»

Тем более не должно быть в таких случаях толкований без обратной связи:

**граница** «рубеж»  
**рубеж** «кордон»  
**кордон** «граница»

Практически названные дезидераты достаточно просто осуществляются: составитель (и/или редактор) не должен забывать, что присовокупление к толкованию какой-либо реестровой единицы другого слова в качестве синонима предполагает наличие у последнего идентичного толкования; это означает, что необходимо все время проверять, совпадает ли толкование каждого присовокупляемого слова с толкованием того слова, к которому оно примыкает на положении синонима, и в случаях, когда такое совпадение вызывает сомнения, не производить синонимизацию. Опыт подтверждает, что подобное требование лишает лексикографа возможности привести без соответствующей проверки всякого рода приблизительные «синонимы», которые омосемантами не являются, а совпадают лишь некоторой, порой даже несущественной частью своего значения с толкуемой единицей. Данное требование обязывает, кроме того, к сквозной унификации всех действительно эквивалентных по какому-либо из своих значений лексических элементов, а это, в свою очередь, обеспечивает адекватную фиксацию объективно присущих словарному составу языка омосемических отношений. В результате все омосемичные элементы строго и взаимно увязаны между собой так, что от какого из них ни отправляться, все равно будут выявлены именно те, которые объективно тождественны семантически, то есть находятся в омосемических отношениях по линии разных своих значений.

Если, скажем, к слову **лентяй** «человек, не любящий трудиться» даны в качестве синонимов слова **бездельник** и **лодырь**, то каждый из них при том же толковании должен иметь в качестве объясняющих эквивалентов остальные два его синонима.

Парасемические отношения менее однородны и потому для их адекватной и унифицированной фиксации необходимо четко разграничить прежде всего два их основных типа: иерархические с двумя явно обособляющимися подтипами (родо-видовые или гиперогипонимические и межвидовые или гипогипонимические) и антисемические (традиционно: антонимические).

В зависимости от того, какие парасемические отношения необходимо фиксировать, всякий раз следует отыскивать наиболее приемлемые средства для единообразной фиксации их интегративных и дифференциальных (оппозитивных) элементов (сем).

Единство подачи иерархических отношений в толковом словаре может быть обеспечено, очевидно, правильным и строгим применением процедур вертикально-горизонтального анализа пересекающихся значений Найды (4), позволяющих адекватно установить дискретные диагностические компоненты, на которых основываются системные оппозиции языковых значений.

Применение названных двух процедур начинается с научно обоснованного выбора гиперонима. Это движение вверх по иерархическому дереву, обозначенное у Найды как первый этап работы семасиолога-лексикографа. (для слова **орнитолог**, например, гиперонимом могут быть на разных ступенях слова **зоолог**, **ученый**, **исследователь**, **человек**; целесообразно брать для толкования наиболее близкий гипероним, который стоит только рангом выше — в нашем случае **зоолог**). Следует последовательное использование отобранного гиперонима в толкованиях всех связанных с ним гипонимов (в нашем случае таких слов, как **ихтиолог**, **энтомолог** и др., которые все должны при этом толковаться посредством того же гиперонима **зоолог**). Затем, путем сравнения элементов того же иерархического уровня, расположенных по горизонтали, определяются и указываются в толкованиях диагностические компоненты значения, которые дифференцируют один гипоним от другого (**орнитолог** — это зоолог «занимающийся изучением птиц», **ихтиолог** — «изучением рыб», **энтомолог** — «изучением насекомых» и т. д.). Ведь, в соответствии с принципом «минимального толкования» Э. Г. Бендикса (5), семантическое описание каждой лексической единицы должно включать, по словам Ч. Фильмора, «те и только те, признаки, которые отличают ее от всех остальных лексических единиц данного языка» (6).

Конечно же, указанные процедуры толкования осуществимы лишь тогда, когда работа над словарем ведется не по алфавиту «от слова к слову», а по классам слов. При этом необходимо прибегать к наиболее близкому гиперониму, как уже отмечалось, стоящему только рангом выше (а не двумя, тремя или более рангами), так как, чем выше ранг гиперонима, тем шире круг гипонимов, которые он «вбирает в себя логически (как более широкий по охвату) и способен определять лингвистически (как более узкий по значению) и тем меньше в нем идентифицирующих именно толкуемые гипонимы компонентов (ср. в этом плане гиперонимы разных рангов **зоолог** и **ученый** или **исследователь**).

С учетом всего вышесказанного, если взять, например, слово **врач**, то для него, а также для таких членов его гипонимического ряда как **фельдшер**, **акушерка**, **медсестра** и др., ближайшим гиперонимом будет слово **медик**, содержание которого включает — логически — значение слова **врач**; с лингвистической же точки зрения содержание слова **медик** полностью включается в значение всех перечисленных гипонимов слова **врач**. Ведь **медик** означает «специалист в области медицины» (наподобие тому как **архитектор** — это «специалист в области архитектуры», **математик** — «специалист в области математики», **биолог** — «специалист в области биологии» и т. д.), а **врач** означает «медик с высшим образованием, который лечит больных», в отличие от других его гипонимов, для которых слово **медик** является тоже словом-идентификатором, но уже с другими дифференциальными семантиками (**фельдшер** «медик со средним образованием, являющийся помощником врача», **акушерка** «медик со средним образованием, имеющая право принимать роды» и т. д.).

Если же двигаться вниз по иерархическому дереву Найды, то слово **врач** окажется сам гиперонимом для таких подчиненных ему гипонимов как **окулист**, **стоматолог**, **ларинголог**, **кардиолог**, **фтизиатр**, **педиатр** и др., которые все без исключения должны толковаться используя в качестве идентифицирующего элемента слово **врач**: **окулист** «врач по глазным болезням», **стоматолог** «врач по зубным болезням», **кардиолог** «врач по сердечным болезням» и т. д.

Таким образом, путем применения процедуры вертикально-горизонтального анализа лексики выстраивается столбец гиперонимов различных рангов, каждый имея свой ряд гипонимов:

специалист / **медик**, **архитектор**, **биолог** и т. д.

**медик** / **врач**, **фельдшер**, **акушерка** и т. д.

**врач** / **окулист**, **стоматолог**, **ларинголог** и т. д.

Использовать в качестве гиперонима при толковании различных классов лексических единиц единицы более высоких рангов ни теоретически, ни практически не оправдано, ибо при этом требуется всякий раз указывать и те семы, которые заложены уже для всех гипонимов в гиперонимах ближайших к ним рангов. С другой стороны, гиперонимы высших рангов настолько общи, что сфера их применения увеличивается сразу на сотни, если не на тысячи единиц, в связи с чем уточняющих и многократно повторяющихся сем понадобится гораздо больше в каждом толкуемом слове.

Это далеко немаловажный факт, так как не только в сфере «человек», но и в сферах «животное», «растение», «вещество», «предмет», «техническое средство», «средство передвижения» вопрос о ближайшем гиперониме стоит очень остро; ведь далеко не все представители животного мира должны определяться обязательно словом **животное**, также как не все представители растительного мира — словом **растение**, не все существующие в природе и созданные человеком материалы — словом **вещество**, не все дискретные объекты — словом **предмет**, не все достижения техники — словосочетанием **техническое средство** и не все транспортные средства — словосочетанием **средство передвижения**.

Вопрос об идентификаторе в виде гиперонима ближайшего ранга может быть решен сравнительно легко только в случаях существования соответствующей таксономии (это касается, в первую очередь, наименований живот-

ных, растений, химических веществ, геологических образований и т. д.) или номенклатуры (это касается наименований профессий и специальностей, различных товаров, наук, течений и т. д.). В остальных случаях бывает очень непросто определить, под какой гипероним следует подводить тот или иной конкретный гипоним. Однако решив данный вопрос, потом уже остается только выявлять дифференциальные семы каждого гипонима в сопоставлении с другими и по однажды выработанному образцу толковать всю группу однотипных слов (будь то названия орудий труда, предметов одежды, мебели или посуды).

Гораздо сложнее устанавливать глагольные гиперонимы, хотя данную предварительную операцию тоже необходимо делать по крайней мере в тех случаях, когда это возможно. Например, для так называемых глаголов чувств типа **видеть**, **слышать**, **осязать** и мн. др. гиперонимом является глагол с более широкой семантикой **воспринимать** (соответственно «зрением», «слухом», «осязанием»); для глаголов движения типа **идти**, **ходить**, **бежать**, **плыть**, **лететь** и всех их гипонимов гиперонимом является глагол **перемещаться** или **передвигаться** (соответственно «в пространстве», «ступая ногами», «быстро перебирая ногами», «при помощи средств передвижения», «по воде», «по воздуху» и т. д.); а для глаголов **мчаться**, **нестись** и подобных гиперонимом будет уже **бежать**, также как для **тащиться**, **плестись** гиперонимом будет уже **идти**.

Второй тип парасемических отношений — отношения антисемии основываются на дифференциальных (оппозитивных) семантических признаках между словами-антонимами, которые имеют решающее значение для адекватного толкования подобного рода слов. Их словарные определения прямо зависят друг от друга и поэтому они должны формулироваться одновременно с учетом значения функционирующих в языке слов противоположного значения (напр. **оседлый** «имеющий постоянное место жительства»: **кочевой** «не имеющий постоянного места жительства», **хороший** «вызывающий одобрение»: **плохой** «вызывающий неодобрение» и т. п.).

Особое место среди антонимов, связанных антисемическими отношениями, занимают образования с негативными по своей семантической сути морфемами (префиксами) **не-** и **без-**. Их следует, по нашему мнению, отсылать к соответствующим беспрефиксальным элементам и сопровождать пометой, что это отрицательное образование от последнего:

**нехороший** (*отрицательное от хороший*) см. **хороший**,  
**безошибочный** (*отрицательное от ошибочный*) см. **ошибочный**.

Своеобразно противопоставляются соответствующим беспрефиксальным лексическим единицам слова-антонимы с неологичными и менее продуктивными префиксами **а-** (**аморальность**, **аполитичность**), **анти-** (**антинаучный**, **антипартийный**) и **контр-** (**контрразведка**, **контрпропаганда**). Префикс **а-** выражает негативность, но в строго ограниченных случаях, которые можно задавать списком (прилагательные **алогичный**, **аморальный**, **анормальный**, **аполитичный** и соответствующие им существительные); что касается **анти-** и **контр-**, то они выражают, в противоположность беспрефиксальным элементам, направленность против того, что значит в корне слова (**антидемократический**,

антивоенный, антирелигиозный; контрудар, контрнаступление, контрреволюционный).

Мотивационные отношения являются также очень важными для адекватной фиксации лексических значений связанных ими слов. В такого рода отношениях находятся в основном элементы, представляющие собой результат словообразовательных процессов в языке. Это, по сути дела, разновидность отношений парасемии, осложненных тем, что у вступающих в эти отношения слов общая корневая морфема, обуславливающая близость (смежность) их значений, преобразуется присовокуплением морфем-носителей вполне определенных категориальных значений, которые переводят полученные новообразования в совершенно иной лексический класс (либо в составе той же части речи, либо выводят их в другую часть речи). Поэтому мотивационные отношения бывают также двух подтипов в зависимости от частеречной принадлежности слова и образований, возникших на его основе (ср. **офицер** и **офицерство**, **офицерье** или **медведь** и **медведица**, **медвежонок**, **медвежатина**, но **жадный** и **жадничать**, **жадность**).

Первый подтип этих отношений, которые складываются между единицами одной части речи, поддаются отражению в словаре путем указания в скобках (сразу же после реестровой единицы) их словообразовательной и в то же время основной семантической связи (это примечания типа *уменьшительное от ...*, *собирательное от ...*, *отрицательное от ...* и т. д.) или только путем обязательного использования базисного элемента деривации в самом тексте толкования деривата, прямо указывая этим их внешнюю и внутреннюю связь. Напр.:

**русалочка** (*уменьшительное от русалка*) Маленькая русалка.

**воронье** (*собирательное от ворона*) Множество ворон.

**жарища** (*увеличительное от жара*) Сильная жара.

**верблюжатина** Мясо верблюда.

**предосторожность** Осторожность, проявленная до совершения чего-либо.

**предостеречь** Заранее остеречь.

Второй подтип мотивационных отношений между единицами разных частей речи можно и нужно отражать лишь вторым путем — путем использования в различных окружениях базисного элемента или одного из однокоренных гипонимов, получившего уже самостоятельное толкование. Например:

**роскошный** Отличающийся роскошью (при условии, что слово **роскошь** уже определено как «внешнее богатое убранство»).

**жадничать** Проявлять жадность, быть жадным (в зависимости от того, какое из этих двух слов получает определение в словаре).

**опасаться** Испытывать опасение.

**опасливый** Поступающий осторожно из опасения (учитывая, что **опасение** уже истолковано).

Но при такого рода толкованиях необходимо избегать круга, то есть толковать одно слово через другое, определенное уже посредством первого (как часто поступают):

**опасность** Свойство по знач. прил. **опасный**.  
**опасный** Заключающий в себе опасность.

В таких случаях толкования значения вообще нет: ни у первого, ни у второго слова.

При последовательном однако и систематическом осуществлении на деле данного лексикографического принципа картина взаимосвязей дериватов с производящим словом и между собой получает четкий и наглядный вид, становится ясной и понятной любому обращающемуся к словарю. Лексические новообразования при этом не будут восприниматься как случайные, появившиеся по непонятной прихоти языка, а как проявление вполне определенных закономерностей, действующих в языке и обуславливающих его постоянное движение (т. е. эволюцию) и общественное использование (т. е. функционирование). А это очень важное обстоятельство для сознательного владения языком и для общей культуры речи, повышение которой является одним из главных предназначений толкового словаря.

Но, помимо парадигматических отношений, в которые вступают по различным линиям лексические единицы и которые были рассмотрены выше, последние характеризуются и определенными свойственными им синтагматическими отношениями, которые также должны быть отражены (и так или иначе, хотя и несистематически, отражаются) в толковом словаре.

Это осуществляется, как правило, путем указания на присущую лексическим единицам регулярную сочетаемость. Такие указания (на актанты или сирконстанты) тех или иных лексических единиц даются очень часто в различных видах (либо сразу после реестрового слова, либо в виде речений и иллюстративных примеров, либо в самом тексте толкования). Целесообразно, однако, упорядочить и эту синтагматическую информацию с тем, чтобы во всех необходимых случаях она была представлена унифицированно.

С учетом сказанного выше можно сделать следующее заключение: при осознанной необходимости обязательного унифицированного (единообразного) отражения всей нужной информации о словарных единицах в толковом словаре, системные семантические связи, объективно существующие между ними (которые фиксируются далеко не полно и бессистемно), могут быть представлены во всем своем объеме, а главное целенаправленно. Это имеет неоценимое значение для адекватного лексикографического описания лексики языка, так как в идеале толковый словарь призван быть не только инвентарем добротного описанных лексических единиц с точки зрения их семантического содержания (но каждой в отдельности, вне связи с остальными), а тем лингвистическим произведением, которое должно, наряду с научной грамматикой, представить общую картину языка как системного целого.

**Библиография**

- Радева В. 1987. «Лексикографска интерпретация на думите със сложна семантична структура.» *Език и литература*, 1987, N<sup>o</sup>1, с. 59.
- Kempcke, G. 1982. «Lexikologie, lexikographische Theorie und lexikographische Praxis.» *Wortschatzforschung heute. Aktuelle Probleme der Lexikologie und Lexikographie*, Leipzig. с. 99.
- Бережан С. Г. и Еремия А. И. 1987. «Выявление и фиксирование системности лексики — основная задача современной лексикографической практики.» *Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре*. Ереван, с. 11—16.
- Найда Ю. А. 1983. «Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения.» *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIV, Москва, с. 61—70.
- Бендикс Э. Г. 1983. «Эмпирическая база семантического описания.» *Новое в зарубежной лингвистике*. Цит. сб., с. 76.
- Фильмор, Ч. Дж. 1983. «Об организации семантической информации в словаре.» *Новое в зарубежной лингвистике*. Цит. сб., с. 27.